

«Толстой – совесть России...»

(А. В. Жиркевич)

● Дом князя Н. С. Волконского, деда Льва Толстого, ныне административный корпус в усадьбе «Ясная Поляна».

Начиная работу с материалами о Л. Н. Толстом, я не думала, что это будет одной из самых больших моих жизненных удач – встреча со Львом Николаевичем и его творчеством второй половины жизни, о которой я имела смутное представление. За эти восемь лет я прошла свои толстовские «университеты». Границы моего сознания приобрели новые горизонты, я стала намного богаче в своём духовном опыте. Ведь моё знание о Толстом, как и большинства читателей, ограничивалось знанием о нём только как о «великом русском писателе», а о второй половине жизни, в которой главным было его желание помочь обществу стать более нравственным, мало кто слышал, а вместе с тем, все трактаты Толстого только об этом. Крайне неразборчивый и плохо читаемый почерк Жиркевича не дали возможности другим исследователям найти новые и свежие записи, разбросанные по всем страницам его дневника. Записи о Толстом приходятся на 90-е годы XIX столетия, когда уже произошёл переворот в сознании Толстого, и мне пришлось перечитать многие книги «за» и «против» идей Толстого, и каждый вопрос, который ставил мне текст и на который нужно было отвечать, – всё было откровением, а во многих случаях и потрясением. Только тогда я поняла, какого невероятного человека, мыслителя и подвижника, ищущего новые пути нравственного развития человечества, страдающего, любящего, проникающего в самые глубины человеческого духа, я встретила на своём пути.

Может быть, мой свежий взгляд, а мне было всё в новь, всё интересно; огромная ответственность перед Львом Николаевичем; и чем дальше, тем больше, желание поделиться с читателем открытым миром и помочь сделать эту книгу («А. В. Жиркевич. Встречи с Толстым. Дневники. Письма»).

Мне хотелось бы привести несколько цитат из примечаний к этой книге, в которых сохранилась пронзительная мудрость Л. Н. Толстого, и с годами всё более развивающаяся религиозная терпимость, о которой мало кто знает. Неизвестно, чем бы закончилась эта его внутренняя работа...

Вот, например, черновик его неотправленного письма неизвестному оппоненту: «... обязанность истинно верующего человека заключается в уважении к искренним верованиям других людей, в особенности в воздержании от вмешательства в личные верования, определяющие жизнь всякого человека. Если я когда отступал от этого правила, то я всем сердцем каюсь в этом и прошу прощения у тех, чувства которых я оскорбил этим». Запись 1907 года.

Незадолго до смерти любимого брата Сергея Николаевича, а умирал он мучительно от саркомы глаза, их сестра Мария Николаевна, тогда уже монахиня, присутствовавшая при встрече двух братьев, вспоминала: «Когда нынешней осенью заболел к смерти брат наш Сергей, то о смерти его дали мне знать в Шамордино,

и брату Лёвочке, в Ясную Поляну. Когда я приехала к брату в имение, то там застала Льва Николаевича, не отходившего от одра больного. Больной, видимо, умирал, но сознание было совершенно ясным, и он мог говорить обо всём. Сергей всю жизнь находился под влиянием и, можно сказать, обаянием Льва Николаевича, но в атеизме и кощунстве, кажется, превосходил брата. Перед смертью же его что-то таинственное совершилось в его душе, и бедную душу эту неудержимо повлекло к церкви. И вот, у постели больного мне пришлось присутствовать при таком разговоре между братьями: «Брат, – обращается неожиданно Сергей ко Льву Николаевичу, – как думаешь ты, не причаститься ли мне?» Я со страхом взглянула на Лёвушку. К великому моему изумлению и радости, Лев Николаевич, не задумываясь ни минуты, ответил: «Этот ты хорошо сделаешь, и чем скорее, тем лучше!» И вслед за этим Лев Николаевич распорядился послать за приходским священником».

На протяжении многих страниц Симбирских дневников 1915–1925 гг., в самые тяжёлые годы поволжского голода, находясь в невыносимых условиях, Александр Владимирович обращается памятью к встречам с Толстым, и в этом черпает силы. Эти записи также нашли своего читателя на страницах книги: Александр Жиркевич «Потрёвоженные тени. Симбирский дневник».

В заключение я хотела бы сказать вот что. На протяжении всего XX века сложилась трагическая ситуация вокруг имени Л. Н. Толстого. Ортодоксы разного толка исказили образ Льва Николаевича, одни – сделав его атеистом и борцом против религии, другие – своим кумиром, и шлейф этого искажённого представления тянется уже многие годы. Но были и такие, как А. П. Чехов, И. Е. Репин, В. Г. Короленко и множество других, не столь известных, людей, которые, почитая Толстого как великого писателя и мыслителя, могли возражать

● Берёзовая аллея в «Ясной Поляне».

и не соглашаться с некоторыми его утверждениями и выводами. К числу последних относится и Александр Владимирович Жиркевич. 17 сентября 1917 г. он записал в дневнике: «Я никогда не думал, что центральной фигурой, озаряющей моё прошлое, был Л. Н. Толстой... А к воспоминаниям о встречах с ним всё чаще и чаще обращается моя совесть. Ими, этими воспоминаниями, я проверяю степень моей добросовестности отношения к окружающему. Что бы сказал по поводу такого-то события Л. Н.? По-прежнему я во многом с ним не согласен. Я вижу противоречия, ошибки, пристрастия... Но не могу не любить его за правду, такую, какую он признаёт...». Поэтому, мне кажется, что одна из задач нашего общества должна сводиться к поиску пути, как вернуть литературное наследие второй половины жизни Толстого на достойное место в нашу жизнь, так нуждающуюся в духовных водителях на путях к нравственному возрождению человека и нации.

● Презентация книги «А. В. Жиркевич. Встречи с Толстым. Дневники. Письма» в Гос. музее Л. Н. Толстого в Москве 2 декабря 2009 г.
Сидят: Н. Г. Жиркевич-Подлесских, В. И. Толстой (директор Музея-заповедника «Ясная Поляна», праправнук Л. Н. Толстого), В. Я. Курбатов (писатель, литературный критик, автор предисловия).

Публикуем несколько духовных размышлений позднего Толстого.

«Бог для меня – это то, к чему я стремлюсь, то, в стремлении к чему и состоит моя жизнь, и который поэтому и есть моя жизнь; но есть непременно такой, что я Его понять, назвать не могу. Если бы я Его понял, я бы дошёл до Него, и стремиться бы некуда было, и жизни бы не было, но, что кажется противоречием, я Его понять и назвать не могу, а вместе с тем знаю Его, – знаю направление к Нему, и даже из всех моих знаний это самое достоверное.

Не знаю Его, а вместе с тем, мне всегда страшно, когда я без Него, а только тогда не страшно, когда я с Ним (с. 5).

Бог, это – вечное, бесконечное, вне нас сущее, ведущее нас, – требующее от нас праведности. Можно сказать: закон жизни человеческой – воля Бога по отношению к той части жизни людей, которая в их власти. Я говорю, что это определение достаточно было до Христа, но Христос открыл нам то, что исполнение этого закона, кроме своей внешней обязанности для разума человеческого, имеет ещё другое, более простое, захватывающее всё существо человека – внутреннее побуждение – именно любовь, любовь не к жене, ребёнку, отечеству и т.п., а любовь к Богу (Бог есть любовь), любовь любви – то самое чувство доброты, умиления, радости жизни, которая и есть свойственная человеку блаженная, истинная жизнь, не знающая смерти (с. 6–7).

<...> Удивительно, как мог я не видеть прежде той несомненной истины, что за этим миром и нашей жизнью в нём есть Кто-то, Что-то, знающее, для чего существует этот

мир, и мы в нём, как в кипятке пузыри, вскакиваем, лопаемся и исчезаем (с. 7).

<...> Христос дал нам образец молитвы в «Отче наш», и молитва эта, напоминая нам сущность нашей жизни, состоящую в том, чтобы быть в воле Отца и исполнять её, и самые обычные грехи наши, осуждение и непощение братьев, и главные опасности нашей жизни – искушения, до сих пор остаётся лучшей молитвой и самой полной из всех, какие я знаю (т. 73, с. 13).

<...> Верить ли ты в то, что жизнь твоя в том, чтобы увеличивать в себе любовь? Верю. Помнишь ли ты то, что ты нынче жив, а завтра помер? Помню. Правда ли то, что ты не хочешь жить для похоти личной и для славы людской, а для исполнения воли Бога? Правда, хочу жить только для этого. Не моя воля да будет, но Твоя. И не то, что я хочу, а то, что Ты хочешь, и не так, как я хочу, а так, как Ты хочешь (т. 73, с. 14).

<...> Нет ни одного верующего человека, на которого бы не находили минуты сомнения, сомнения в существовании Бога. И эти сомнения не вредны, напротив, они ведут к высшему пониманию Бога. Тот Бог, которого знал, стал привычен, и не верить больше в Него. Верить полнее в Бога только тогда, когда Он вновь открывается тебе. А открывается Он тебе с новой стороны, когда ты всей душой ищешь Его (с. 15)».

Из брошюры «Мысли о Боге. Л. Н. Толстого», под редакцией В. Г. Черткова.

Н. Г. ЖИРКЕВИЧ-ПОДЛЕССКИХ, исследователь, публикатор наследия и внучка А. В. Жиркевича, лауреат Горьковской литературной премии 2011 г. за книгу А. В. Жиркевича «Встречи с Толстым. Дневники. Письма».

Автор благодарит за помощь в работе Александру Мясникову.